ПРОБЛЕМЫ ЧТЕНИЯ

УДК 028.3

Терешин В.И.

Руководство чтением? Нет, библиотечная педагогика сотрудничества!

Продолжение обсуждения сути и роли библиотечного руководства чтением.

Разговор о судьбе руководства чтением в библиотечной теории и практике охватывает все более широкий круг вопросов и по существу затрагивает методологические основы библиотечного обслуживания читателей. В опубликованных статьях четко проявились две позиции. Одна активно утверждает руководство чтением как форму целенаправленного влияния библиотеки на своих абонентов в выборе ими книг

в процессе чтения; другая не менее активно отрицает термин "руководство чтением" и все практические действия библиотеки в этом направлении.

В наиболее обобщенном виде первая позиция нашла отражение в [1—3]. Так, А.Н. Ванеев [1, 2] обобщил наиболее значимые положения по руководству чтением, отраженные в его предыдущих работах, положения далеко не бесспорные. Анализ их, на мой взгляд, позволит полнее и четче выявить основные проблемы, связанные с библиотечным руководством чтением и библиотечной педагогикой сотрудничества. Отдельные интересные замечания по ним сделаны И.А. Мейжис [3, с. 34—35]. На других, наиболее значимых, хотелось бы остановиться мне.

Первое положение сводится к тому, что теория руководства чтением начала развиваться еще до революции усилиями выдающихся русских библиотековедов. Это верно. Но верно и то, что созданная до революции теория оказалась наиболее подходящей для развития диктатуры чтения в массовом порядке, ибо обладала средствами и методами заставлять людей читать то, что требовала революционная партия, исключать из чтения все, что партия считала вредным. Именно поэтому теория руководства чтением получила наиболее основательную разработку в годы советской власти. А.Н. Ванеев считает, что я избрал "весьма удачный объект" для критики теории руководства чтением — учебник "Работа с читателями", изданный в 1981 г. и уже устаревший. Но в последние годы количество публикаций, утверждающих и развивающих теорию руководства чтением (в том числе и работ самого А.Н. Ванеева) интенсивно возрастало, что, естественно, сказывалось и сказывается на практике библиотечной работы [3, с. 34—35]. Названный учебник избран мною потому, что он наиболее полно, многоаспектно раскрыл сущность руководства чтением, которая практически в неизменном виде дошла до нынешних времен и определила содержание и характер всех последующих публикаций.

Судя по статье А.Н. Ванеева, современная система руководства чтением базируется на теории, разработанной еще до революции, особенно в трудах Н.А. Рубакина. В основу ее положены лучшие образцы активной деятельности библиотеки по духовному развитию читателей. Ни о каких диктаторских свойствах этой теории не может быть и речи.

Так ли это на самом деле? Замечу, что положения теории руководства чтением в трудах Н.А. Рубакина, на которых строит свои позиции А.Н. Ванеев, далеко не бесспорны, многие противоречивы, тем более что высказаны они около 80 лет назад. Например, согласно Н.А. Рубакину, как отмечает А.Н. Ванеев, руководство чтением предоставляло читателям полную свободу выбора книг и в то же время утверждало необходимость влияния библиотекаря на этот выбор [1, с. 24]. Возникает вопрос: какая же это полная свобода выбора, если она регламентируется влиянием библиотекаря на этот выбор? Значит, свобода не полная, а ограниченная, и эти ограничения составляют суть руководства чтением. Кстати, тремя страницами ниже А.Н. Ванеев сам приходит к заключению, что "свобода выбора читателем книг оказывается не абсолютной, а относительной" по причине определенного объективного регулирования чтения абонентов библиотекой: она приобретает не все желаемые читателями книги.

Развивая идеи Н.А. Рубакина дальше, А.Н. Ванеев подчеркивает, что в руководстве чтением полностью исключено принуждение [1, с. 28]. Но в таком случае это действие — не руководство чтением, а какой-то иной процесс библиотечной работы с читателями. Мы понимаем теоретиков руководства чтением, стремящихся придать ему положительное значение, ибо библиотечное дело относится к самым гуманистическим областям человеческой деятельности и должно строиться только на прогрессивных методах. Именно поэтому в систему руководства чтением внесены многие положительные элементы, а отрицательные черты его сущности либо замалчиваются, либо не замечаются, либо подаются как ценные или необходимые в определенных исторических условиях. Е.Н. Малевич [4, с. 15.] и А.Н. Ванеев [1, с. 29] на основе анализа содержания руководства чтением и библиотечной педагогики сотрудничества утверждают, что я фактически целиком перенес сущность руководства чтением в библиотечную педагогику. Однако я использовал лишь отдельные педагогические элементы, которые незаслуженно, на мой взгляд, приписывались руководству чтением, были там инородными, и полностью отмежевываюсь от того, что составляет истинную сущность руководства чтением — от принуждения читать или не читать те или иные документы, регулировать чтение, выступать библиотеке в качестве цензора и т. п. И жаль, что в библиотечной гуманистической сфере до сих пор бытует и защищается некоторыми нашими библиотековедами этот авторитарный метод.

Любопытно, что система руководства чтением проникла не только в массовые, детские, юношеские, но и в национальные библиотеки. Начальник библиотечного управления Министерства культуры Российской Федерации Е.И. Кузьмин в 1990 г. писал, что Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) "функционирует как цензор государства над читателями. Будучи рядом с Кремлем и не в силах сама противостоять жесточайшему идеологическому прессингу, Ленинка — главный методический центр страны — гнала волны этого прессинга во все пределы и повсюду отравляла библиотечное дело своими методическими инструкциями и рекомендациями, являющимися изощренной формой контроля над чтением" [5]. В данном случае идеологический прессинг осуществлялся методами руководства чтением. Идеологический прессинг может смениться национальным, религиозным и т. п. — и везде на помощь придет именно руководство чтением.

Заметим, что руководство чтением оказывает отрицательное влияние на все процессы библиотечной работы, отражается даже на статистических показателях библиотеки. К сожалению, этого влияния не хотят видеть мои оппоненты. По мнению А.Н. Ванеева, в моих попытках установить прямую связь между требованием достичь определенных цифр выдачи книг и руководством чтением усматривается явное противоречие; а на самом деле требование достичь определенных цифр выдачи книг не имеет к руководству чтением как творческому процессу никакого отношения, оно "одно из порождений командно-административной системы", существовавшей в нашей стране [1, с. 26]. Однако все дело в том, что, во-первых, именно руководство чтением является оптимальным, лучшим средством реализации установок данной системы. Во-вторых, само руководство чтением — не что иное как административно-командная система в библиотечной работе с читателями, где в качестве командира, руководителя выступает библиотекарь, в качестве исполнителя — читатель. И как бы ни была мягка, обольстительна, приветлива и т. п. рекомендация библиотекаря читать именно то, что надо (с его точки зрения) суть остается одна. Иерархия между библиотекой и читателем сохраняется в рамках "творческого процесса" руководства чтением: одному (библиотекарю, библиографу) предоставляется право рекомендовать, другому (читателю) — быть объектом рекомендаций; одному — подбирать литературу в фонд, другому — ее использовать.

Далее в статье А.Н. Ванеева обнаруживается, что руководство чтением было и остается в наших библиотеках навсегда, ибо регулированием чтения занимается не только библиотекарь, но и законы страны, запрещающие пропаганду в печати войны, расовой и национальной исключительности и т. п. А потому свобода выбора читателем книг для чтения "оказывается не абсолютной, а относительной", ибо жить в обществе и быть свободным от общества нельзя; «каждый читатель волен выбрать для чтения все, что он пожелает, но при одном "маленьком" условии — если это издание имеется в фонде библиотеки» [1, с.27]. Здесь ярко выражена вся суть руководства чтением: читатель будет читать то, что библиотекарь включит в фонд, руководствуясь как внутренними соображениями, так и внешними — законами государства, добавим, требованиями своей партии и т. п. Читатель "свободно" выбирает из той литературы, которую заранее подготовил для него библиотекарь. Последний еще раз влияет на читателя путем рекомендации, а может быть, путем создания спецархивов... Иными словами, читатель ведет "свободный" не первичный, а вторичный (из фонда) и даже третичный (в процессе общения с библиотекарем) отбор документов для чтения.

Заметьте: каждый читатель волен выбирать для чтения все, что он пожелает, но фонд ему этого не позволит. Каждый! Значит, ученый-историк не сможет получить книгу, пропагандирующую войну или расовую, национальную исключительность; врачу будет отказано в чтении книг о сексе, порнографии и т. п. А что же говорить о простом смертном, пользующемся библиотекой?

Вопрос о государственном запрете на отдельные произведения печати затронула в своей статье и И.А. Мейжис. Этот запрет, цензура и т. п. в нашей стране «до недавнего времени был глобальным, — пишет она. — Сегодня "государственное" руководство чтением существенно ослаблено, а Закон о печати даст основание надеяться, что в подобной форме оно уже не возродится» [3, с. 36].

Но дело в другом. К сожалению, А.Н. Ванеев отождествляет пропаганду тех или иных позиций в книге и в библиотеке. Между тем библиотека может иметь книгу в своем фонде, но не пропагандировать, не рекламировать ее — и книга уйдет из сферы руководства чтением. Отрицая руководство чтением, мы отрицаем любую пропаганду литературы, считаем, что термин "пропаганда" следует исключить из терминосистемы библиотековедения. Выдача любых документов в библиотеке должна быть свободной.

В этой связи, естественно, возникает вопрос о комплектовании документных фондов библиотек, критериях отбора и представления литературы в них. Этот вопрос меня особенно интересует как преподавателя курса "Библиотечный фонд" в вузе. К тому же он является основополагающим в деле развития свободы или ограничения доступа читателей к мировой информации. В этом плане А.Н. Ванеев так трактует позицию Н.А. Рубакина: "Основу руководства чтением Н.А. Рубакин видел в целенаправленном подборе книг в библиотеки. Этим самым осуществляется педагогическое руководство чтением не только отдельных читателей, но и толпы" [2]. Это вольная и неверная трактовка позиции Н.А. Рубакина, который настаивал на целенаправленном подборе книг в библиотеки в целях создания для читателей фонда как объективного комплекса знаний по принципу "систематичность, закругленность, законченность" [6, с. 25]. Закругленность не означает руководства чтением в определенном направлении. Фонд библиотеки должен быть "книжным отражением вселенной", где читатель может выбирать себе книги. Н.А. Рубакин стоял на позициях руководства чтением не в формировании фонда, а в его использовании при работе с читателями.

К сожалению, именно здесь и проявилось основное противоречие Н.А. Рубакина. С одной стороны, он за информационный плюрализм в библиотеке, отражение в ее фонде литературы различных партий, направлений и т. п., а с другой — за организацию руководства чтением в определенном направлении, что приводит к тенденциозности библиотечной деятельности.

По мнению А.Н. Ванеева, сегодня наиболее оптимальной и отвечающей целям руководства чтением является позиция учебника [7], ориентирующего библиотекарей на целенаправленный отбор литературы с учетом идейной, научной, художественной ценности документов [1, с. 27]. Я не считаю данные позиции оптимальными. Во-первых, не все библиотеки ведут отбор. Национальные, например, формируют свои фонды отечественной литературы с исчерпывающей документной полнотой на основе обязательного экземпляра всех изданий, опубликованных на территории страны. Следовательно, для них все издания имеют ценность. Во-вторых, остальные библиотеки (и национальные по отношению к иностранной литературе) формируют свои фонды на основе принципа информационной полноты и тщательного отбора. Но критерии этого отбора, данные в учебнике Ю.Н. Столярова, не могут быть приняты библиотеками в современных

условиях. Так, что значит "идейная ценность документа" — идейная с какой точки зрения, с каких идеологических позиций? Или, что значит "научная ценность документа" — кто определяет степень научности той или иной информации в документе? В свое время идеи К.Э. Циолковского считались ненаучными, книги его не попали в базовые библиотеки; в результате позже разработчики космической техники с огромным трудом разыскивали их по стране.

Вопрос о научной ценности той или иной информации крайне сложен и решать его не библиотекарю. Даже ученые не всегда способны верно оценить научную ценность информации, заложенной в том или ином источнике. То же относится и к определению уровня художественной ценности. Мы хорошо помним манипуляции библиотекарей с книгами А.И. Солженицына, которые в 1960-е гг. считались лучшими и широко пропагандировались, в 1970—1980-е гг. стали худшими и были спрятаны в спецархивы или исключены из фондов библиотек, а с конца 1980-х гг. стали считаться классическими произведениями русской литературы.

Оригинальность, новизна информации, ее полнота в источнике, степень ее обобщенности, доступности и т. п. — вот основные критерии отбора документов в фонд любой современной библиотеки. Пусть читатель сам реализует свои отношения с документами, сам выбирает себе документы без вмешательства библиотекаря. Библиотека через читателей призвана дать имидж любому произведению. Она — испытательный полигон для любого документа. Именно такое формирование библиотечного фонда будет служить как развивающей стратегии в работе с читателями, так и библиотечному маркетингу, позволяющему получать достойную прибыль и библиотеке, и ее абонентам.

Итак, система руководства чтением, сложившаяся в теории библиотековедения и в практике библиотечной работы, является порочной. Видимо, настала пора выявить новое содержание методики библиотечной работы с читателями и искать новый термин, полно и точно выражающий эту методику. Мною предложено определение "библиотечная педагогика сотрудничества".

Оказывается, что А.Н. Ванеев тоже за библиотечную педагогику как широкое явление, охватывающее все направления библиотечной деятельности. Но в центр ее он ставит руководство чтением как "педагогический процесс", ссылается на Н.А. Рубакина, который применял термин "педагогическое руководство чтением" [1, с. 24, 28]. Однако мой оппонент не учитывает, что есть две педагогики —

авторитарная и педагогика сотрудничества. Руководство чтением является методологической базой авторитарной библиотечной педагогики, которая стала основной в системе образования и воспитания в условиях советской власти.

К сожалению, библиотечная педагогика сотрудничества еще не стала предметом изучения. Более того, не принимается некоторыми библиотековедами. Так, И.А. Мейжис пишет, что "Библиотечная педагогика, даже если это будет педагогика сотрудничества, вряд ли сегодня приемлема. Дело в том, что библиотечное обслуживание — не единственная форма удовлетворения информационных потребностей индивида, оно — составная часть системы других институтов, обеспечивающих социализацию личности. Прямое педагогическое воздействие библиотекаря на формирование ценностных ориентаций, направленности личности не просто минимально, оно вообще проблематично" [3, с, 38]. Но, во-первых, в "системе других институтов, обеспечивающих социализацию личности", сегодня активно развиваются специализированные педагогики: досуговая, музейная, внешкольная и т. п. Во-вторых, социализация личности — это цель и ее достижение осуществляется прежде всего и главным образом педагогическими средствами, в том числе и средствами библиотечной педагогики, что уже доказывалось мною [8, с. 54]. В-третьих, не менее важное, а, может быть, главное — И.А. Мейжис сводит здесь библиотечную педагогику к "прямому воздействию библиотекаря на формирование ценностных ориентаций". Библиотечная педагогика — это целый комплекс прямого и непрямого воздействия, это воздействие книги, документа. Это чрезвычайно широкое понятие и действие, охватывающее всю библиотеку в целом. Информация, заложенная в книге, любом документе, сегодня интерпретируется как знание, а именно знание является категорией педагогики [9]. Докторант Московского государственного института культуры Г.С. Галиуллина, отмечая широкий выход отечественного библиотековедения в мировое информационное пространство, пишет: "Нам надо научиться превращать громадные собрания библиотек в доступные информационные продукты. А это означает по сути методологически иной подход к библиотечным ресурсам — не документографический, а когнитологический", т. е. познавательный [10]. Переход библиотек на поиск и предоставление всех знаний каждому читателю в форме информации, организация свободного доступа читателей к ним — главное направление деятельности современных библиотек.

Не принимая концепцию библиотечной педагогики сотрудничества, А.Н. Ванеев находит ряд противоречий в моей интерпретации самого понятия "сотрудничество" [1, с. 28]. Не могу согласиться с этим.

Все дело в том, что, во-первых, я активно выступаю за сочетание сотрудничества библиотекаря и читателя и использования всех новых и традиционных средств поиска и восприятия читателями информации в современной библиотеке. Во-вторых (и это особенно важно), я выступаю не просто за сотрудничество библиотекаря и читателя, а за широкое сотрудничество читателей со всей библиотекой в целом — общение с фондом, каталогом, ЭВМ... Речь у меня идет о библиотечной (!) педагогике сотрудничества, которая проявляется не только в системе "библиотекарь — читатель", но и в системе "библиотека — читатель". Я не свожу педагогическое сотрудничество только к работе библиотекаря с читателем, оно охватывает все технологические процессы и элементы библиотеки как информационного учреждения. Считаю, что в современной библиотеке нам необходимо создавать такие условия, в которых читатель сам находил бы то, что ему нужно, сам ориентировался в системе знаний, информации. Иными словами, библиотечное самообслуживание читателей — это форма их сотрудничества с библиотекой. А так как именно эта самостоятельная деятельность является сильнейшим средством формирования личности читателя, она и рассматривается мною в качестве предпочтительной.

При разработке библиотечной педагогики сотрудничества нам необходимо коренным образом изменить методы библиотечной работы, признать, что, например, из книжных выставок следует оставить только выставки всех новых поступлений (без отбора), ввести открытый доступ ко всему фонду в массовой, детской, научной библиотеке; видимо, библиотека должна иметь нейтральный интерьер без какой-либо пропаганды отдельных документов. Иными словами, особый подбор документов в библиотечный фонд в целях достижения информационной полноты его, с одной стороны, и полное раскрытие, предоставление этого фонда всем абонентам, с другой — без какого-либо давления на них в целях рекламы одних книг и замалчивания других.

Но говоря о педагогической деятельности библиотеки, я особое значение придаю не только двум системам сотрудничества (непосредственной и опосредованной), но и третьей — "книга — читатель".

Обосновывая влияние библиотечной книги на читателя, я рассматриваю это влияние как библиотечно-педагогический процесс [11]. Если при библиотечном сотрудничестве влияние оказывается взаимным, то в общении с книгой оно одностороннее — только со стороны книги. Этот существенный недостаток нередко компенсируется в общении читателя с библиотекарем.

И, наконец, считаю, что библиотечная педагогика направлена не только на читателей. Она охватывает подготовку библиотекарей в специальных учебных заведениях, систему их непрерывного профессионального образования, их общение с читателями, чтение, выполнение ими различных технологических процессов, обладающих определенным педагогическим потенциалом. Этот аспект библиотечной педагогики мы по существу пока еще не изучали.

Такова моя педагогическая концепция библиотечной работы. В основе ее — никакого давления на читателя со стороны библиотеки, никакого руководства; а наоборот — развитие у читателя самостоятельности, умения ориентироваться в библиотечных фондах, получать непрерывное образование путем чтения и т. п. Я не могу согласиться с А.Н. Ванеевым в том, что "в основе библиотечной педагогики должно лежать не самообразование как таковое, а руководство самообразовательным чтением" [1, с. 28]. Не могу потому, что самообразование определяет наивысшую активность самого читателя в определении программы чтения, в поиске, отборе и восприятии информации. Не библиотека, а сам читатель должен руководить своим самообразовательным чтением — только здесь я могу принять термин "руководство чтением". Библиотечная педагогика — это не только педагогика библиотечной работы, но и прежде всего педагогика самого читателя по отношению к себе и своей работе в библиотеке, в самообслуживании, усвоении новых знаний. Эти ценности должна воспитывать школа и постоянно поддерживать библиотека.

Что касается библиотекаря, то в современной библиотеке он призван выполнять функции не руководителя чтением абонентов, а организатора их самостоятельной деятельности, создающего условия для всесторонней ориентации абонентов в библиотеке, свободного выбора ими литературы для чтения. Его задача — организация обмена мнениями о прочитанном, полное удовлетворение запросов абонентов, развитие справочно-библиографических функций... Целиком поддерживаю мысль И.А. Мейжис: "Суть состоит в том, чтобы избавить читателя от вмешательства в сферу его чтения, а библиотекаря — от

ненужных ему функций", т. е. быть "поучающим, контролировать чтение и т. п. [3, с. 33]. Но это вовсе не означает, что библиотекарь может игнорировать просьбу читателя порекомендовать ему книгу, отказываться от помощи читателю при выборе им литературы. Подобное руководство по инициативе читателя и есть сотрудничество.

Считаю, что нам надо всемерно развивать сегодня именно педагогику сотрудничества как педагогику истинно библиотечную, ибо в библиотеку человек идет добровольно, идет не за тем, чтобы быть исполнителем руководящей воли библиотеки, а активно проявить себя, идет за сотрудничеством, с желанием духовно обогатить себя и других. Это единство и должно быть законом деятельности любой библиотечной сферы.

Я активно выступаю не только против термина "руководство чтением", но и против термина "обслуживание читателей", потому что первый процесс превращает библиотекаря в диктатора (с какими бы хорошими, с его точки зрения, целями он ни выступал) по отношению к читателю; второй процесс (обслуживание) превращает в диктатора читателя, а библиотекаря в слугу. Нам нужно отказываться от того, что отжило свой век и создавать новую методологическую основу деятельности новой библиотеки нового общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ванеев А.Н.** К дискуссии о руководстве чтением // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 6. — С. 24—29.

2. **Ванеев А.Н.** Н.А. Рубакин и проблемы руководства чтением // Чтение в современном мире. Опыт прошлого и взгляд в будущее. Рубакинские чтения. Общенациональный конгресс по чтению: Тезисы. Москва, 18—21 авг. 1992 г. / Рос. гос. б-ка. — М., 1992.— С. 15.

3. **Мейжис И.А.** Две стратегии в руководстве чтением // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 7. — С. 29—43.

4. **Малевич Е.Н.** Публицистика или наука? // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1990. — № 10. — С. 15—18.

5. **Кузьмин Е.** Блеск и нищета национальных библиотек // Лит. газ. — 1990. — 28 февр.

6. **Маркина А.В.** Теория подбора книг Н.А. Рубакина и ее развитие в трудах последующих поколений // Чтение в современном мире. Опыт прошлого и взгляд в

будущее. Рубакинские чтения. Общенац. конгресс по чтению: Тезисы. Москва, 18—21 авг. 1992 г. / Рос. гос. б-ка — М., 1992. — С. 23—27.

7. Столяров Ю.Н. Библиотечный фонд: учебник для библ. фак. ин-тов культуры, пед. ин-тов и ун-тов. — М.: Кн. палата, 1991. — 271 с.

8. Терешин В.И. Библиотечная педагогика // Сов.библиотековедение. — 1992. — № 2. — С. 45—58.

9. Гинецинский В.И. Знание как категория педагогики: Опыт педагогической когитологии. — Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1989. — 144 с.

10. Галиуллина Г.С. Библиотеки России: возвращение в Европу // Сов. библиотековедение. — 1992. — № 3—4. — С. 43.

11. Терешин В.И. Влияние книги на читателя и библиотечная деятельность: Материалы к спецкурсу. — М.: Изд-во МГИК, 1992. — 74 с.